
ТОЛСТОВСКИЙ СБОРНИК-2000

*Материалы
XXVI Международных
Толстовских чтений*

Часть II

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ А. Н. ТОЛСТОГО И СОВРЕМЕННОСТЬ

Тула 2000

Издательство Тульского государственного педагогического
университета им. А. Н. Толстого

Д. В. Бурба

ТОЛСТОЙ И ИНДУИЗМ

Приход третьего тысячелетия порождает множество вопросов относительно происходящих в мире социальных процессов и явлений духовной жизни. Навязываемый России меркантильный прагматизм Запада плохо приживается среди людей, воспитанных на Толстом и Достоевском. Толстой подчеркивал, что «это не есть плачевная слабость русской жизни или даже вообще русского человека, а это громадная, непонятная Европе, понятная индийцу сила» [2] (18, 772). Индеец упомянут здесь не зря. И русский, и индийский тип национального характера объединяет неудержимое стремление к духовным горизонтам. Тем, кто с европейским высокомерием и презрением относился к Востоку, Толстой отвечал: «У них (индусов.— Д. В.) есть теперь все, что есть у нас; но зато у нас нет того, что есть у них» [5].

Далеко не всегда зависящий от геополитических реалий, экономических и культурных потребностей интерес россиян к бесконечно притягательной стране Вед явственно прослеживается в жизни, литературном творчестве и учении Льва Толстого.

Хотя серьезно к изучению индийской философии Толстой приступил в пору своего духовного кризиса, но уже в ранних художественных произведениях писателя часто встречаются ее положения. Например, о метемпсихозе (реинкарнации) думает Николенька (в «Отрочестве»): «...внимание мое обратила водовозка, которую запрягал в это время кучер, и все мысли мои сосредоточились на решении вопроса: в какое животное или человека перейдет душа этой водовозки, когда она околеет?» [2] (1, 165). Об этом говорят и в семье Ростовых в «Войне и мире»: «Знаешь, я думаю,— сказала Наташа шепотом, придвигаясь к

Николаю и Соне... — что когда этак вспоминаешь, все вспоминаешь, до того довспоминаешься, что помнишь то, что было еще прежде, чем я была на свете... Ведь душа бессмертна... стало быть, ежели я буду жить всегда, так я и прежде жила, целую вечность жила.— Это метампсихоза,— сказала Соня, которая всегда хорошо училась и все помнила» [3]. Долли Облонская в «Анне Карениной» также «в своих задушевных философских разговорах с сестрой, матерью, друзьями очень часто удивляла их своим вольнодумством относительно религии. У ней была своя странная религия метемпсихозы, в которую она твердо верила, мало заботясь о догматах церкви» [2] (8, 290).

Известный индийский писатель Премчанд подметил, что у Толстого «некоторые рассказы достигают такой высоты, что является мысль, будто они взяты из Упанишад» [8]. И это не удивительно, так как многие его книги содержат заимствования из Махабхараты, Пуран, «Панчатантры» и пр. Множество индийских сюжетов вошло в детские книги для чтения Толстого; рассказы «Это ты» и «Ассирийский царь Асархадон» посвящены знаменитому афоризму Упанишад «tat tvam asi» («ты есмь То»), а название рассказа «Карма» говорит само за себя.

В религиозно-философских работах Толстого мы встречаем выражение таких идей индуизма, как принципиальное отличие вечной и исполненной блаженства души от бренного тела и следующее отсюда разграничение плотской («кама») и сентиментальной любви от любви «божеской» («бхак-ти»); констатация существенно различного восприятия мира мужчинами и женщинами; необходимость обуздания желаний; иллюзорность «ахам-кары» (материального «я»); неотожествление конкретных религиозных систем («упа-дхарма») с религией как вечной обязанностью души («санатана-дхарма»); присутствие Бога в сердце каждого человека («параматма»).

Апофатическое богословие Толстого весьма напоминает ведантический принцип «нетти» («не то» — с этими словами индуист отбрасывает любые определения Бога, как неспособные выразить сущность трансцендента). Неохотно Толстой говорил и о жизни после смерти: «О том, как будет сознавать себя душа после смерти тела, не дано знать человеку, да и не нужно ему» [4] (7). И все же сохранились письменные высказывания на эту тему, вполне совпадающие с индийскими представлениями: «Как сны в этой жизни суть состояния, во время которых мы живем впечатлениями, чувствами, мыслями предшествовавшей жизни и

набираемся сил для последующей жизни, так точно теперешняя вся жизнь есть состояние, во время которого мы живем "кармой" предшествующей, более действительной жизни и во время которого набираемся сил, вырабатываем карму для последующей, той более действительной жизни, из которой мы вышли» [1] (6, 155). Передки практически дословные текстуальные совпадения высказываний Толстого со стихами священных для индусов шастр. (Например: «Душам, чье неведение разрушено знанием, солнце знания открывает Высшее То» (Бхагавад-гита 5.16.) «Когда человек узнает истинную веру, с ним делается то же, что с человеком, засветившим свет в темной горнице. Все становится ясно и на душе весело» [4] (10)).

Принятие Толстым положений индуизма не ограничивалось сферой теории: он прилагал их к своей жизни. М. М. Бахтин отмечал, что «жизнь Толстого была необычайно органической, с точки зрения индийских мудрецов — классической. Юность он посвятил наукам. В последующие годы предался кутежам и разгулу. В 35 лет женился и занялся приобретением богатства и славы. На склоне лет — отрекся от мирской суеты и посвятил себя служению Богу» [6]. Высказывание Бахтина базируется на первых стихах второй главы «Камасутры»: «Человеку следует стремиться к четырем целям, распределяя время и сочетая их так, чтобы одна не вредила другой. В детстве — приобретение знаний и другие дела артхи. В молодости — кама. В старости — дхарма и мокша. Или же вследствие непостоянства жизни пусть он стремится к ним сообразно обстоятельствам». Сам же Толстой считал, что жизнь его распадается на четыре периода: «... тот чудесный, в особенности в сравнении с последующим, невинный, радостный, поэтический период с детства до 14 лет; потом второй, ужасный 20-летний период грубой распущенности, служения честолюбию, тщеславию и, главное — похоти; потом третий, 18-летний период от женитьбы до моего духовного рождения, который, с мирской точки зрения, можно бы назвать нравственным, так как в эти 18 лет я жил нравственной, честной семейной жизнью, не предаваясь никаким осуждаемым общественным мнением порокам, но все интересы которого ограничивались эгоистическими заботами о семье, об увеличении состояния, о приобретении литературного успеха и всяческого рода удовольствиями. И, наконец, четвертый, 20-летний период, в котором я живу теперь и в котором надеюсь умереть, и с точки зрения которого я вижу все значение прошедшей жизни и которого я ни в чем не

желал бы изменить, кроме как в тех привычках зла, которые усвоены мною в прошедшие периоды» [2] (14, 380).

Согласно классическим индуистским текстам, люди живут четырьмя основными стремлениями («пурушартха»), которые на санскрите называются «кама» (страсть), «артха» (материальное благополучие), «дхарма» (долг) и «мокша» (освобождение). Указывается также, что — в идеале — человек должен пройти через четыре этапа («ашрама») духовной организации своей жизни: «брахмачарья» (ученичество), «грихастха» (семейная жизнь), «ванастхана» (уединенность) и «санньяса» (монашество, отрешенность от мира). На каждом из этапов вышеперечисленные стремления проявляются по-разному, что весьма интересно прослеживается в жизни Толстого. В свете индуизма его предсмертный уход из Ясной Поляны, который обычно представляется трагедией, катастрофическим разрывом «нормальной» семейной жизни, выглядит вполне закономерным, а «уходом» видится жизнь до ухода: «Как индусы под 60 лет уходят в леса, как всякому старому, религиозному человеку хочется последние годы своей жизни посвятить Богу, а не шуткам, каламбурам, сплетням, теннису, так и мне, вступая в свой семидесятый год, всеми силами души хочется этого спокойствия, уединения, и хоть не полного согласия, но не кричащего разногласия своей жизни с своими верованиями, с своей совестью...» [2] (19, 401).

Особой сферой деятельности Толстого была популяризация индуизма в России. Он поддерживал тех, кто читал лекции на эту тему, кто писал и издавал книги об Индии. Сам Толстой собирался в издательстве «Посредник» опубликовать «легенды Кришны» и «изречения Кришны» [1] (57, 40), написал предисловие к этой книге, начал писать общедоступный очерк о Будде. В сборники Толстого «Мысли мудрых людей на каждый день», «Круг чтения», «Путь жизни» вошло около ста цитат из индийской классики: Пуран, Упанишад, Рамаяны и Махабхараты, Самхит, «Тирукурала». И, конечно же, нельзя не упомянуть о вызвавших сильный резонанс усилиях Толстого, направленных на распространение индийской идеи ненасилия («ахимсы») и вытекающего из него вегетарианства, на отказ от алкоголя и табака. (Последнее в индуизме следует из принципа «шауча» — «чистота».)

Определенный интерес представляет рассмотрение путей, которыми положения индуизма пришли к Толстому. Здесь можно назвать непосредственное чтение переводов религиозных текстов индуизма и индологической литературы, переписку с поси-

телями этого мировоззрения (в том числе и с активными проповедниками-миссионерами); восприятие ведийских идей, опосредованных христианством и буддизмом, а также западными и отечественными мыслителями; впитывание общеарийских парадигм из русского фольклора и народной мудрости, а также голос «внутреннего гуру» (творческую и религиозную интуицию) и воспоминание уроков прошлых жизней. «Умиление и восторг, который мы испытываем от созерцания природы, это – воспоминание о том времени, когда мы были животными, деревьями, цветами, землей...» [7].

Примечания

1. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. Юбил. изд. М., 1928–1958.
2. Толстой Л. Н. Собрание сочинений: В 22 т. М.: Худож. лит., 1978–1985.
3. Толстой Л. Н. Война и мир. М.: Худож. лит., 1970. Т. 1. С. 614.
4. Толстой Л. Н. Путь жизни. М.: Республика, 1993.
5. Гусев Н. Н. Два года с Л. Н. Толстым. М.: Худож. лит., 1973. С. 126.
6. Прометей (Альманах). М.: Мол. гвардия, 1980. № 12. С. 261.
7. Сергиенко А. П. Рассказы о Л. Н. Толстом. М.: Сов. писатель, 1978. С. 219.
8. Шифман А. И. Лев Толстой и Восток. М.: Изд-во вост. лит., 1960. С. 281.